

172. Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с председателем временного правительства Французской республики

6 декабря 1944 г.

На беседе присутствуют В. М. Молотов, посол СССР во Франции А. Е. Богомолов, французский министр иностранных дел Ж. Бидо, представитель Франции в СССР Р. Гарро, директор политического департамента французского министерства иностранных дел М. Дежан, Б. Ф. Подцероб.

Де Голль заявляет, что он и его спутники попросили приема, чтобы использовать случай пребывания в Москве для того, чтобы выяснить мнение советской стороны по вопросам, которые стоят теперь и которые возникнут завтра, а также для того, чтобы высказать советской стороне свое мнение по этим вопросам.

Де Голль говорит, что в настоящее время обсуждается вопрос о подписании между Советским Союзом и Францией пакта, определяющего позиции этих стран по отношению к Германии на будущее. Французы считают, что одновременно можно было бы обсудить – в тех пределах, в каких это позволят сделать происходящие события и время, – и вопросы, возникающие вокруг этого пакта.

Де Голль отмечает, что по всем вопросам, которые будут обсуждаться, французы намерены высказываться так, как у них с недавних пор принято в отношениях с русскими, то есть определенно и откровенно.

Де Голль заявляет, что он прежде всего хотел бы коснуться польского вопроса. <...>

Де Голль говорит, что он согласен с советским предложением о западных границах Польши; он полагает, что проведение границы по Одру и Нейсе исключит для Германии и Польши возможность их соглашения.

Сталин говорит, что это правильно.

Де Голль говорит, что если советская сторона согласна на расширение Польши в западном направлении, то тем самым разрешается вопрос о восточной границе между Польшей и Советским Союзом²⁹.

Сталин замечает, что линия восточной границы между Польшей и Советским Союзом была утверждена Клемансо.

Де Голль говорит, что Франция не имеет никаких возражений против линии Керзона. Далее де Голль говорит, что он думает, что находится в согласии с маршалом Сталиным, когда он полагает, что Польша должна быть независимой, что она показала свою жизненную силу. Де Голль говорит, что французы считают, что восточная граница Польши по линии Керзона может быть признана, если будет обеспечено получение Польшей германских земель на ее западных границах.

Сталин отвечает, что это будет сделано и что Красная Армия об этом позаботится.

Де Голль говорит, что французы знают о положении в польском вопросе, когда одни поляки находятся по одну сторону, другие – по другую, и неизвестно, что будет думать польский народ, когда Польша будет полностью освобождена Красной Армией. Французы полагают, говорит де Голль, что в этом отношении будут трудности. Война внесла в положение Польши очень много такого, что может способствовать дружбе между Польшей, СССР и Францией. Де Голль говорит, что он считает нужным сказать, что если в момент освобождения Польши и до этого момента Франция будет иметь возможность использовать свое влияние на поляков, то она это сделает в духе укрепления дружественных отношений между Польшей и Францией и Польшей и Советским Союзом. Франция считает, что она должна действовать с согласия СССР, Англии, Соединенных Штатов и других союзников. В настоящее время, говорит де Голль, Французское правительство поддерживает отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне, установленные еще во времена Сикорского. Однако эти поляки не находятся в Польше, и у Французского правительства мало практических и материальных вопросов для рассмотрения с этим правительством.

Де Голль заявляет, что Французское правительство наблюдает за развитием событий. Когда польская территория будет полностью освобождена, французы будут готовы оказать свое влияние на поляков для достижения между ними союза и принятия того, что только что было сказано о польских границах, и для занятия Польшей позиции откровенной дружбы с Советским Союзом и Францией.

Сталин говорит, что он понимает это.

После некоторой паузы Сталин говорит, что он хотел бы спросить, что такое западный блок, что это значит.

Де Голль отвечает, что ему не совсем понятно, что имеет в виду маршал Сталин.

О западном блоке немало говорилось в печати, и ему, де Голлю, неясно, какое значение придает маршал Сталин этому вопросу. Указав, что Франция является континентальной страной, де Голль говорит, что по опыту нынешней и прошлой войн Франция знает, что Европа представляет собой единое целое. Нельзя представить себе, что происходящее на Востоке Европы не будет связано с тем, что происходит на Западе, и наоборот. Все европейские государства – это государства единого континента, и любое явление, которое затрагивает одно государство, затрагивает, хотя бы косвенным образом, и интересы всех других государств. Нельзя разделить Европу на куски. Французам это хорошо известно. История показала, что невозможно создать ни западного, ни восточного, ни южного, ни северного блоков.

Далее де Голль говорит, что, однако, всегда так бывает, что люди, имеющие одинаковые интересы, предпринимают совместные практические действия. Главный вопрос, который сейчас занимает всех, – это вопрос о Германии. Поэтому можно сказать, что в Европе существует и может существовать только блок государств, которые не хотят нападения Германии. Первое предложение в этом духе французы делают Советскому Союзу, хотя они имеют и непосредственных соседей, которыми являются Бельгия, Италия, Швейцария, Испания, Люксембург, Англия. Франция, безусловно, заключит добрососедские соглашения с Англией, так же как с Бельгией и Люксембургом. Когда-нибудь она, возможно, заключит соглашение и с Италией. Но такие соглашения не будут представлять собой блока.

Сталин говорит, что просит его извинить, если он задал лишний вопрос и если он поставил де Голля в затруднительное положение.

Де Голль говорит, что он не считает вопросы маршала Сталина излишними, и говорит, что по вопросу о блоке существуют и другие мнения.

Молотов указывает, что бельгийский премьер-министр Пьерло сделал, например, заявление о том, что западный блок существует.

Де Голль говорит, что он ничего не знает об этом.

Сталин говорит, что он тоже ничего об этом не знает. Поэтому он и спросил де Голля, полагая, что де Голль это знает.

Де Голль говорит, что Бельгия находилась и находится под угрозой Германии. В 1914 г. она пережила германское вторжение, а затем, после окончания первой мировой войны, она то была сторонницей военных соглашений с Францией и Англией, то переставала быть сторонницей таких соглашений. Де Голль говорит, что Франция имеет с Бельгией экономический обмен и будет иметь такой обмен, но это не является блоком.

Сталин говорит, что он считает, что Франция должна иметь солидный оборонительный военный союз с соседями и что это будет важным элементом безопасности Франции в отношении Германии.

Де Голль говорит, что он хочет еще раз затронуть вопрос о блоке. Он говорит, что Бидо сделал публичное заявление о том, что Франция не хочет организации западного блока, что англичане никогда не просили французов об этом и сами французы англичанам этого не предлагали. Де Голль говорит, что он считает, что блок Москва – Париж – Лондон – это действительно будет европейский блок. Все остальное – это будут экономические и стратегические соглашения локального характера между отдельными странами. Де Голль говорит, что когда изучают историю этого вопроса, то видно, что единственный блок, который существовал в Европе, – это был германский блок. Такими

были сначала тройственный союз, а затем, в наши дни,— “ось”. Нельзя сказать, что снова не будет попыток возрождения таких блоков. И поэтому французы являются сторонниками блока с Великобританией и Советским Союзом. Де Голль говорит, что французы предпочитают такой блок любому другому и считают его единственно возможным.

Сталин говорит, что он понимает это, и говорит, что мы, русские, как и французы, заинтересованы в том, чтобы между Францией и Советским Союзом был заключен пакт о взаимопомощи и безопасности. Сталин говорит, что, как он думает, это дело завершится на днях.

Далее Сталин говорит, что он хотел бы коснуться вопроса о Польше. Де Голль знает, что в последние 30 лет Польша была коридором, по которому немцы проходили в Россию. Это надоело и русским и полякам. Мы, русские, хотим, чтобы этот коридор был закрыт. Другие страны не могут закрыть этот коридор. Нужно, чтобы Польша сама его закрыла, а для этого нужно, чтобы Польша была сильной, независимой и демократической. Опыт показывает, что не бывает сильных государств без демократии. Сталин говорит, что это поворот нашей политики по отношению к Польше. До начала этой войны Польша и Россия все время находились в состоянии конфликта. Для этого были исторические корни. Дело в том, что поляки дважды брали Москву, а русские спустя сто лет после этого дважды занимали Варшаву. Все это наложило отпечаток на отношения между Польшей и Россией и породило осадок горечи. С этой историей мы кончаем и кончим. Уроком войны является сознание того, что дружба между Польшей и Россией является гарантией безопасности для Польши и России. Это поняли не только руководящие круги России, но и лучшие элементы Польши. В истории Франция всегда была другом Польши и ее независимости. Можно сказать, что Франция была покровительницей польской независимости. В этом отношении ее политика выгодно отличалась от политики других держав. Поляки это знают и помнят. Сталин говорит, что в связи с этим он думал, что и теперешняя политика Франции будет чем-то выгодно отличаться от политики Америки и Англии. Сталин говорит, что он рассчитывал на это.

Сталин говорит, что он понимает, что Англия, которая связана с эмигрантским польским правительством, как и с генералом Михайловичем в Югославии, немного запуталась и ей теперь трудно распутаться. Сталин говорит, что ему это понятно. Но дело в том, что Михайловича не пускают обратно в Югославию и он скрывается где-то в Каире. Сталин говорит, что он боится, чтобы то же самое не получилось с польскими жиро и лавальями, которые заседают в польском эмигрантском правительстве в Лондоне.

Далее Сталин говорит, что сидящие в Лондоне поляки занимаются министерской чехардой, в то время как поляки в Люблине проводят земельную реформу, аналогичную той, которую Франция осуществила в конце XVIII столетия, создав тем самым основы прочного французского государства.

Сталин говорит, что есть разница между этими двумя группами. Одна неизвестно что делает, а другая, люблинская, занята делами, имеющими большое значение. Вот те соображения, на которых основывалось Советское правительство, устанавливая хорошие отношения с новой, возрождающейся Польшей в лице ее Комитета национального освобождения. Сталин говорит, что он думал, что французы поймут это скорее, чем англичане и американцы.

Сталин говорит, что некоторое время спустя англичане тоже это поймут.

Де Голль спрашивает, каково настроение населения в Польше.

Сталин говорит, что он интересуется этим вопросом и изучает его.

Де Голль спрашивает, каковы те официальные сведения о Польше, которыми располагает Сталин. Не может ли Сталин поделиться с ним этими сведениями? Он, де Голль, полагает, что Сталин лучше других знает положение в Польше, поскольку он содействовал созданию нового польского правительства.

Сталин отвечает, что у польского населения дело началось с недоумения. Идет Красная Армия, бьет немцев, освобождает польский народ. Вместе с Красной Армией действуют польские войска. Польский комитет находится в Польше вместе с населением. Поляки спрашивали: где же лондонское правительство? Почему лондонских поляков нет в Польше, когда Польша освобождается? С этого момента акции польского эмигрантского правительства начали падать. Второй этап падения акций польского эмигрантского правительства произошел после фиаско так называемого восстания в Варшаве. Польский народ узнал, что восстание было начато без ведома и согласия командования Красной Армии. Если бы советское командование спросили, может ли оно оказать военную помощь восстанию, то оно заранее сказало бы, что оно к этому не готово. Дело в том, что Красная Армия в то время прошла 600 километров с боями от Минска до Варшавы. К тому времени, когда Красная Армия подошла к Варшаве, ее артиллерия и снаряды отстали на 400 километров. Красная Армия не была готова начать немедленное наступление на Варшаву. Командование Красной Армии об этом не спросили. Народ знает об этом, и он возмущен тем, что его вовлекли в авантюру. Жертв много. Агенты польского эмигрантского правительства дали немцам возможность добиться успеха в Варшаве. Третий этап падения авторитета польского эмигрантского правительства – это тот момент, когда Польский комитет национального освобождения начал проводить

земельную реформу. Все агенты польского эмигрантского правительства в Польше выступали против этой реформы. Они убивали работников Польского комитета национального освобождения, чтобы сорвать земельную реформу. В чем же заключалась эта реформа? Были взяты земли польских помещиков-эмигрантов и тех помещиков, которые ушли с немцами, и эти земли были проданы крестьянам и стали их частной собственностью. Франция сделала то же самое в конце XVIII века и создала тем самым новое, демократическое государство. На этой базе Польский комитет стал большой силой, а авторитет и влияние польского эмигрантского правительства о Польше упали.

Сталин говорит, что таковы сведения, которыми он располагает относительно положения в Польше.

Де Голль говорит, что, когда вся Польша будет освобождена, тогда будет ясно видно, каковы настроения польского народа. Если Франция будет иметь влияние на поляков, то она использует его для развития дружбы между Польшей, Советским Союзом и Францией. Что же касается вопроса о лондонском польском правительстве, то Франция поддерживает отношения с этим правительством, как это делают и другие державы. Возможно, что некоторое время спустя Французское правительство признает другое польское правительство по согласованию с другими союзниками. Точно так же действовало Советское правительство, когда оно признавало Французское правительство по согласованию с другими державами.

Помолчав, де Голль говорит, что маршал Сталин упомянул о польских лаваях и жиро. Однако между этими двумя людьми есть разница в глазах французов. Дело в том, что Лаваль сотрудничал с немцами, а Жиро, каковы бы ни были, впрочем, его взгляды, с ними никогда не сотрудничал.

Сталин отвечает, что ему эта разница известна и что он не смешивает Жиро и Лавалья в одну кучу.

Де Голль спрашивает, каково положение на Балканах.

Сталин отвечает, что немцев в пределах возможного с Балкан изгнали.

Болгария подписала условия перемирия и будет их осуществлять. Эти условия перемирия не затрагивают ее независимости.

Греция. До Греции паши войска не могли дойти, так как мы обычно не ведем наступление по расходящимся линиям. В Греции находятся английский флот и английские войска. О Греции нужно спрашивать англичан. Немцы из Греции уходят, так как они вынуждены это делать.

Югославия. Югославия была и остается независимой. Но она может существовать только как федеративное государство, так как национальности, ее образующие, являются развитыми национальностями и хотят иметь каждая свою автономию.

Румыния. Молотов заявил о нашем отношении к Румынии, и это заявление остается в силе. Румыния будет, как и была, независимой, но она должна выполнить условия перемирия, которые она приняла и которые были опубликованы.

Венгрия. В Венгрии, видимо, будет создано новое, национальное правительство на базе демократии. С Хорти велись переговоры о перемирии. Однако немцы как-то пронюхали об этом и арестовали Хорти. Надо полагать, что там теперь создастся новое, национальное правительство.

Такова картина положения на Балканах.

Молотов говорит, что Югославия еще не полностью очищена от немцев.

Сталин соглашается с этим и говорит, что она будет полностью очищена, что дело к этому идет. К несчастью, до последнего времени мы не могли оказывать большой помощи Югославии, но тем не менее мы помощь оказывали и будем ее оказывать. Если в Венгрии образуется демократическое правительство, то мы постараемся помочь ему и повернуть Венгрию против Германии.

Де Голль говорит, что он благодарен за все, что сказал маршал Сталин.

Де Голль говорит, что Франция только три месяца тому назад была освобождена и что она еще собирает силы и делает пока мало, но будет делать все больше, чтобы возобновить нормальные отношения с другими государствами. И первое дело, которым занята сейчас Франция, – это поворот к Москве. Предлагая пакт о взаимопомощи, Франция рассчитывает выяснить и другие вопросы. Что касается других государств, то Французское правительство счастливо констатировать, что позиция Советского Союза по отношению к этим государствам направлена к поддержанию их независимости и дружбы с ними, а также к развитию дружбы с Советским Союзом и с Францией, к развитию этих государств в направлении демократии. Французы считают демократической базой выборы на основе всеобщего избирательного права.

Далее де Голль говорит, что французы удовлетворены тем, какую политику Советское правительство ведет по отношению ко всем государствам – сателлитам Германии. Французы желают действовать в согласии с Советским правительством. Пока они еще могут делать мало, но в будущем будут делать больше, и они рассчитывают действовать в согласии с союзниками, и особенно с Советским Союзом.

Сталин говорит, что он думает, что мы пойдем друг друга.

Сталин говорит, что де Голль, кажется, отказался от поездки на фронт, куда он собирался для того, чтобы повидать авиационный полк “Нормандия”.

Де Голль говорит, что он не отказался от этого, но плохая погода не позволяет ему лететь на самолете на фронт.

Сталин говорит, что как будто бы де Голль хотел, чтобы летчики “Нормандии” были вызваны с фронта в Москву. Сталин говорит, что это сделано.

Де Голль благодарит. Далее де Голль говорит, что Бидо хотел бы сказать несколько слов.

Бидо говорит, что во время предыдущих бесед был затронут вопрос о Международной организации безопасности. Бидо говорит, что в тексте проекта договора, который был вручен советской стороне французами, содержится предположение, что такая организация будет создана. Однако это не означает, что договор будет подчинен условию создания Международной организации безопасности.

Де Голль поясняет, что предлагаемый пакт не будет зависеть от этой организации безопасности и не будет иметь каких-либо ограничений. Этот пакт предлагается без каких-либо условий.

Бидо говорит, что в вопросе о создании Международной организации безопасности линия Французского правительства сводится к следующему. Во-первых, во главе организации должен стоять коллективный орган из представителей великих держав, которые несут основную ответственность за поддержание мира и на которых лежит главная тяжесть ведения войны. Во-вторых, французы полагают, что необходимо, чтобы малые страны имели возможность участвовать в организации и высказывать свои мнения. Бидо говорит, что Французское правительство считает, что при решении вопросов, которые касаются великих держав, требуется соблюдение принципа единогласия.

Де Голль говорит, что нужно избежать восстановления заседаний пленума Лиги наций, когда малые державы могли сорвать любое решение потому, что для него требовалось единогласие.

Бидо говорит, что нужно, чтобы Международная организация безопасности руководилась и ориентировалась концертом великих держав, а малые державы участвовали бы в собрании, в обсуждении вопросов, но не выработывали бы обязательных для всех правил. Кроме того, говорит Бидо, Международная организация безопасности должна иметь в своем распоряжении силу. При этом Французское правительство считает, что для этой цели не должна быть создана международная армия, в которую входили бы люди, не имеющие отечества. Французское правительство полагает, что воинские части, находящиеся в распоряжении Международной организации

безопасности, должны сохранять их национальные особенности, но находиться под командованием Международной организации.

Сталин говорит, что он согласен с этим.

Далее Бидо говорит, что Международная организация должна распоряжаться распределением сырья, и не только сырья, но и продуктов производства.

Бидо заявляет, что Международная организация должна позаботиться о том, чтобы страны, которые явились жертвами этой войны, не попали в зависимость от стран-поставщиков.

Сталин говорит, что, по мысли Бидо, Международной организации должны принадлежать функции распределения ресурсов.

Бидо отвечает утвердительно.

Сталин говорит, что это очень трудно, но желательно.

Сталин говорит, что проект, который обсуждался в Думбартон-Оксе, предусматривает военные и экономические функции Международной организации безопасности. Все, что только что говорил Бидо, не выходит из рамок этого проекта.

Бидо говорит, что все это не выходит из рамок проекта, но он хотел бы, чтобы все это вышло “из рамок бумаги”.

Сталин говорит, что пока это дело “из бумаги” не вышло, так как были трудности. Позиция, изложенная Бидо, близка к советской и английской позициям. Что касается ассамблеи Международной организации безопасности, то она нужна. Нужно считаться с требованиями демократии. Надо сделать так, чтобы ассамблея поручила руководство организацией избранному ею органу, в который будут входить великие державы. Надо сделать так. Нельзя создавать ассамблеи без прав. Ассамблея должна уполномочить руководящий орган организовать безопасность. Нужно, чтобы не получилось так, что великие державы сами себя назначили руководителями этой организации.

На этом беседа заканчивается. Молотов вручает Бидо проект, франко-советского пакта.

Бидо обещает ознакомиться с ним.

Французские представители благодарят Сталина за прием.

СФОР, II, С. 174–184